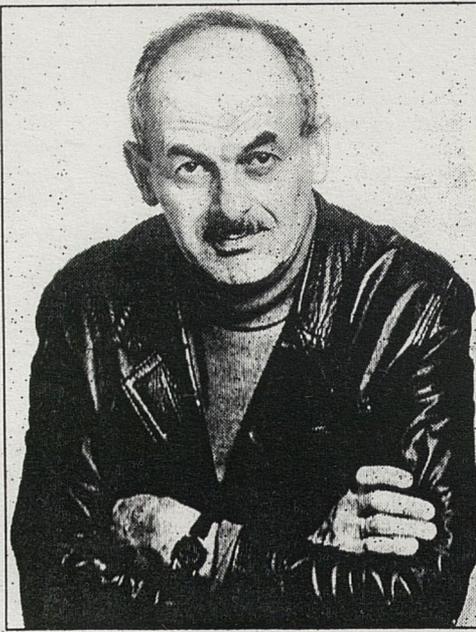

Окрасивший время

ПАМЯТЬ

Скорбь и грусть, сочувствие семье и близким естественны при мысли о смерти Булата Шалвовича Окуджавы. Но вместе с тем в черноте горестного события рождается и достойное его светлое чувство — ощущение решенной ушедшим жизненной задачи.

Булат Окуджава

решился назвать своей «религией»... Соединилось это имя и с другим великим городом, с интернациональным Тбилиси, с Тифлисом былых времен. С духовной столицей Грузии, да, но в ней же — и святыни армянской культуры, памятники азербайджанской, персидской, польской, немецкой, венгерской, еврейской, греческой, осетинской... И, разумеется, русской! Ее цитаделью был город, над которым возвышается гора с гробницей Грибоедова. Два века русская речь была родной в этом городе. И вот судьба Булата Окуджавы — это судьба молоденького учителя русского языка, укравшегося в калужской деревне.

В одном интервью Окуджава назвал своих любимых авторов: Пушкин, Пастернак, Киплинг. С первыми двумя все ясно, третий тоже, конечно, не случаен. Забытый родиной Киплинг укоренен в русской поэзии. От Клюева и Тихонова до Высоцкого... Наверное, Окуджава мог вспомнить и Мандельштама. Ведь стихи о полнотном троллейбусе, несомненно, ритмически связаны с мандельштамовским «На мертвых ресницах Исакий замерз...» Но Мандельштам ожесточенно сопротивлялся той песенности, бурю которой позже был подхвачен и унесен поэт с гитарой. Окуджава написал тома увлекательной прозы и много стихов, иные из которых хорошо выливаются на бумаге. Если говорить всерьез, то это редко бывало с русскими стихами в советское время. Но судьбой Окуджавы стала русская авторская песня. Великий отечественный шансонье, он восстановил ее права, утраченные после ухода Вертинского.

Не прост путь от унаследованного революционного марксизма к христианству (пусть атеистическому), от песни о комиссарах «в шпильных шлемах» к поздним прозрениям. Но и песня о комиссарах не позорит автора, она не бесчестная, потому что искренняя. Взгляды менялись, но основа нравственная не изменилась. Идеализм героического самопожертвования. И поэт менялся вместе со своими поздно взрослеющими читателями, слушателями.

Все-таки главным временем Окуджавы были, я убежден, пятидесятые годы. Потом настала иная эпоха, более сложная и удушливая, и в ней выдвинулось огромное дарование народного певца Владимира Высоцкого. Тем не менее голос Булата Окуджавы узнавался и в новом многоголосии. Он был с нами рядом. И не может быть забыта историческая заслуга пробуждения общей совести. Что же касается песен, надо думать, они сами по себе не забудутся.

Вот что писал Белинский о Беранже: «У него политика — поэзия, а поэзия — политика, у него жизнь — поэзия, а поэзия — жизнь». Окуджава десятилетия простоял на эстраде. Порою она превращалась в трибуну, иногда исчезала и становилась цветущим лугом, над которым взмывал поющий голос. Поэзией Булата Окуджавы создан благородный образ ее творца. Убедительный, потому что подлинный. И мы поверили ему.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Окуджаву без всякого преувеличения принадлежит История. Отнюдь не только истории литературы. И это было понятно давным-давно... Дарование — одно, характер — другое, но есть еще редкостная способность сочинителя войти своими словами в состав воздуха, которым дышат все. Слава поющего поэта совпала с первым успехом более молодого поколения, занявшего эстраду пятидесятых годов, и Окуджава стал невольно восприниматься как один из этой когорты. Но судьба у всех своя. Бесспорно: эпохе дали цвет прежде всегда творческие усилия двух людей — Евтушенко и Окуджавы. Лирика ранняя (поздней, к сожалению, не последовало) первого и песни второго. Все остальное все-таки при сем. Кондитерская кремовая пена и метафорическая эквилибристика эстрады, они пролетели со временем, их лопающиеся пузыри тают... Но первые стихи Евтушенко, те знаменитые песни Окуджавы, которые у всех на слуху, живы, и, я думаю, они еще будут жить. Потому что обращены к людям, участливы к земным судьбам. Потому, что в них прозвучало насыщенное. И слово, произнесенное поэтами, было повторено устами улиц. Улицы эти не столь забывчивы, как мы порою думаем.

Провинциальный подросток, увлеченный возвышенными стихами, я надменно отстранялся от песни, лившегося по радио. Был, конечно, не совсем справедлив: в советскую эпоху возникло немало прелестных, чистых, свежих песен. Но это у меня была ранняя усталость от лжи. Жажда хоть какой-то правды в современных стихах... Однажды мой приятель, лаборант, завел меня в пустой институтский кабинет и включил магнитофон. И вот я впервые услышал песню о троллейбусе, песню о Ваньке Морозове, полюбившем циркачку. И это: «Ах, Надя, Наденька, мне б за двухгривенный Влюбую ну твоей души!»

Говорят французы: «Первое впечатление есть последнее впечатление». Потрясение от первого знакомства, очевидно, никогда у меня не пройдет. Однажды я попытался найти слова и рассказал Булату Шалвовичу о силе этого раннего впечатления. Окуджава поглядел на меня с некоторым недоверием... Но ведь подобную, самую обычную историю могли бы с благодарностью поведать ему многие и многие.

Замечательно, что к Окуджаве была благосклонна Анна Андреевна Ахматова, обычно неприязненная к участникам эстрадных выступлений. Вероятно, какие-то слабости предлагаемой поэтики она и угадывала, но в голозе Булата не было фальши. Вероятно, Окуджаву нравился Ахматовой и как воплощение определенных мужских достоинств: красоты поступка, твердости, доблести. Слишком много видела она постыдного мужского страха. А безоглядная отвага лихого кавказца, в юнос-

ти прошедшего войну, может быть, напоминала ей Гумилева...

Я наблюдал Окуджаву в ситуациях «праздников дружбы», проходивших в Грузии. Он был в окружении разных людей, которым льстило общение со знаменитостью. Были среди них искренние почитатели, но кое-кто подсаживался за столик «по служебной надобности». Я восхищенно следил, как поэт в кольце таких «биологаторов», задававших провокационные вопросы, держался стойко, отвечал находчиво, резко.

Судьбу Окуджавы нельзя до конца прочувствовать, не думая о судьбе всей огромной страны, бывшей нашей империи, проклинаемой и любимой. Это — судьба сына репрессированных родителей, партийцев. Отец — грузин, мать — армянка (в одном стихотворении Окуджавы мелькнуло упоминание «материнского» Мясиса — Арарата). Однажды он рассказал о прадеде-кantonисте, осевшем в Грузии. Тетка Ольга Окуджавы, также погибшая в репрессии, была любимой женой величайшего грузинского поэта Галактиона Табидзе, воспевшего ее «гениальные глаза».

Найдутся среди нынешних москвичей и недовольные этим, но имя Окуджавы неразрывно связано с Москвой. С Арбатом, который он даже

ДОКУМЕНТ

Секретно
КГБ, 4 июля 1972 г. № 1829-А

ЦК КПСС

Направляется справка о реагировании члена Союза писателей СССР Окуджавы и лиц из его окружения на решение Партийного комитета Московского отделения Союза писателей РСФСР об исключении Окуджавы из членов КПСС.

Председатель Комитета Госбезопасности
АНДРОПОВ

Секретно

СПРАВКА

1 июня 1972 года Партком Московского отделения Союза писателей РСФСР принял решение об исключении из членов КПСС за антипартийное поведение поэта и прозаика Булата Окуджавы.

Окуджаву в беседах со своими близкими связями следующим образом высказывался по этому поводу: «Надоела мне эта возня жутко. Они очень надеялись, что я, напуганный, соглашусь выступить в прессе. И после того, как это пробуждало, я сказал опять «нет». Видимо, такое было задание, что если скажет «согласен», то значит пошадить...»

Окуджаву и лица из его окружения считают, что после исключения из членов КПСС затруднения с публикацией своих произведений. Он сожалеет, что не успел выпустить свой новый роман «Похождения Шипова», а теперь это едва ли удастся сделать.

Поэты В. Корнилов, Е. Евтушенко, прозаик

«И не хочет унижаться...»

Г. Мамлин, жена бывшего зам. главного редактора журнала «Дружба народов» Николаева и некоторые другие выражали готовность оказать Окуджаве в случае необходимости материальную помощь.

Окуджаву сказал, что ближайшие пять-шесть месяцев денег у него хватит, кроме того, он надеется подработать переводами и в кино. На договора с ним сейчас якобы никто не идет, но он пишет тексты для кино и получает за это деньги. Причем оформляется эта работа, по его словам, от имени других лиц.

Поэт-песенник Я. Шведов, занимающийся составлением антологии советской песни, обещал Окуджаве включить в сборник несколько его произведений.

Проявляется интерес к вопросу о том, какова процедура утверждения решения Парткома, намерен ли Окуджаву обжаловать это решение. Окуджаву заявляет в своем окружении, что предпочитает каких-либо шагов не намерен, так как считает это указанием «сверху» и не хочет унижаться...

Е. Евтушенко воспользовался сложившейся ситуацией для восстановления с Окуджавой и лицами из его окружения дружеских отношений, пошатнувшихся за последнее время из-за того, что он, по их мнению, заигрывает с руководством Союза писателей и инстанциями, в связи с чем пользуется «привилегиями».

Евтушенко посетил квартиру Окуджавы, выражал ему сочувствие и написал посвященные ему стихи. В спектакль «Под кожей статуи свободы», поставленный в театре на Таганке,

он включил «Песню американского солдата» Б. Окуджавы.

Однако и после этого Окуджаву продолжает с недоверием относиться к Евтушенко.

В разговоре с женой он заявил, что Евтушенко будет рассказывать, что он его спасал. Пусть она это слушает, но не верит ему.

Из поступающих материалов видно, что Окуджаву в последнее время активно общается с лицами, занимающимися антиобщественной деятельностью или допускающими политически вредные и идеологические невыдержанные поступки. В их числе Л. Коцелев, В. Максимов, В. Войнович, Г. Владимов, Г. Поженян, скульпторы Э. Неизвестный и В. Сидур.

В той или иной форме сочувствие Окуджаве выразили члены Союза писателей И. Гофф, Е. Храмов, Ф. Светов, О. Чайковская, Г. Мамлин, В. Аксенов, Ю. Семенов, Б. Заходер, К. Ваншенкин, П. Вагин, Н. Атаров, Б. Балтер, В. Савельев, художники Ю. Васильев, Е. Бачурин и другие.

Интерес к Окуджаве проявляла жена корреспондента газеты «Унита» в Москве Бенедетти, которая приглашала его к себе на квартиру, чтобы показать некоторые книги Окуджавы, изданные в Италии.

Начальник Управления Госбезопасности при Совете Министров СССР БОБКОВ

Публикация
Анатолия НОВИКОВА